

Василий Трофимович Нарезный

Богатый бедняк
(Новые повести)

В. Т. Нарезный
БОГАТЫЙ БЕДНЯК{1}

Багряное солнце клонилось к своему закату. Лазоревое небо отражало лучи его на горы, леса и долины.

Воздушные обитатели, усевшись на ветвях зеленых, пели вечерние гимны, в коих, как казались для душ чувствительных, приносили благодарность виновнику их жизни, свободы и счастья. Вдали раздавался рев усталых под ярмом волов и блеяние овец, идущих с паствы. Словом сказать, картина эта происходила летним вечером, в прелестной долине, верстах в тридцати от Полтавы.

У самой этой долины остановился Полтавский полк, возвращавшийся из пятилетнего похода против крымских татар и турков, когда благочестивый царь Алексей Михайлович ратовал против сих неверных. Полковник произнес воинам приличную речь и позволил каждому брести далее, куда хочет. Разумеется, что каждый пошел искать покоя и радостей на свою родину; один только молодой есаул Ипполит, по прозванию Голяк, не знал, где приклонить голову. Конечно, было место на земном шаре, где родился и вырос он, но, по всему вероятно, место это заустело, и Ип-

политу много понадобилось бы иждивения, чтоб сделать оное похожим на жилище человеческое: а у него в карманах было пусто!

Ипполит родился от шляхтича, самого бедного в описанной мною округе. Отец его, пан Еврогий, проживал на правой стороне долины. Он имел во владении небольшой участок земли и также небольшую хату, в которой помещался с женою Феклою, сыном Ипполитом, дочерью Мариною, работником Фомой и работницей Вассою. Помещик не ленился сам ходить за плугом, жать и молотить хлеб и косить сено. От этих занятий никто из домашних уволен не был. Однако Ипполит, с самого отрочества, охотнее ходил в школу в ближнее село, к дьячку Сидору, чем в поле или в лес, и еще охотнее сражался с товарищами, чем погонял волов. Едва исполнилось ему двадцать лет, как постигли его бедствия, нимало не мечтательные: в короткое время лишился он отца и матери.

Сестра его, Марина, избавившись ига родительского и не могши терпеть самовластия братнина, склонилась на ласки одного проезжего шинкаря, обвенчалась с ним тайно и бе-

жала. Работники Фома и Васса также слюбились и его оставили, чтобы жить своим домом. Ипполит остался один во всей природе, и вся природа показалась ему бесплодною пустыней. Но к большому его несчастью, к пущей скуке для его сердца, он не мог противиться прелестям юной Богомилии, единственной дочери богатого помещика Никанора, которому принадлежала большая половина селения, где Ипполит у дьячка Сидора учился русской грамоте. Он, по праву урожденного шляхтича, незадолго до кончины родителей, начал в праздничные дни посещать дом сказанного помещика и был принимаем, хотя нельзя сказать ласково, однако и не спесиво. Вскоре пламенные взоры, обращаемые на шестнадцатилетнюю красавицу, вразумили ее о состоянии его сердца. Ах! как и в эти уже лета понятливы бывают молодые люди! При всяком новом появлении Ипполита сердце Богомилии трепетало необычайно, белая грудь вздымалась, глаза, пламенея, потуплялись в землю, и заря румяная алела на щеках ее. Они ни слова не говорили друг другу о своих взаимных чувствах; но любовь,

пламенная любовь, день ото дня в сердцах их усиливалась. Надо отдать справедливость, что Ипполит из всего околотка был прекраснейший молодой человек, и если бы имел хотя средственной достаток, то едва ли какая-нибудь невеста отказала б ему в руке своей.

Хотя дела эти происходили довольно давно, однако и в то время люди были с глазами и ушами. Родители Богомилии скоро заметили, что дочь их занята не одним шитьем и вышиванием. Они приступили к ней с лукавыми вопросами, и легковерная красotka откровенно призналась, что она любит и — взаимно любима. «А почему ты так думаешь?» — спросили родители в один голос.

«Ах! — отвечала дочь со вздохом, потупя прелестные глаза в землю, могла ли я не заметить этого из взоров Ипполита, из его вздохов, из замешательства, какое овладевает им, когда нам случалось оставаться одним, — и наконец...» — «А что наконец?» — спросили устрешенные отец и мать. «Когда Ипполит в последний раз уходил отсюда, — отвечала дочь, — мы были тогда в саду, — он взял мою

руку, прижал к своей груди и спросил дрожащим голосом: «Чувствуешь ли, прелестная, как бьется это сердце? Ах! оно более не мое; оно принадлежит тебе, Богомилия!» — Я хотела что-то отвечать ему, но он поспешно удался, и вот уже целые шесть дней я не видела его подле себя!» — «А где же видела?» — спросил отец нетерпеливо. «Он каждый день, отвечала дочь, — более десяти раз обходит вокруг забора нашего сада, смотрит сквозь дыры, и хотя я знала, кого он высматривает, однако сегодня только два раза подходила к забору и не более сказала ему, как только, что и я люблю его от всего сердца». — «Порядок! — сказал отец, глядя значительно на жену. — Я не ожидал этого!»

Невинная Богомилия умела понимать только взоры Ипполитовы, ибо они были для нее новы; прочих же всех казались ей весьма обыкновенными и нестоящими догадок. Она спокойно смотрела на удаление родителей и занялась мыслями о приятностях следующего дня, который был праздничный, следовательно, она может говорить с Ипполитом гораздо удобнее, чем сквозь дыры плетневого забора.

По окончании литургии, в назначенный час, наш витязь не преминул явиться в обширном доме Никанора.

Любовь, как говорят и пишут, слепа, а в добавок я скажу, что она очень часто и других считает слепыми, хотя они весьма зрячи. Вместо прежних милостивых приемов хозяева встретили его грозными взорами. Ипполит причел это какой-нибудь домашней неприятности, подошел к ним с улыбкою, и, низко поклонясь, спросил: «А где ж Богомилия? Здорова ли она, весела ли?» «Нечестивец! — сказал Никанор ужасным полуголосом, — если ты осмелишься впредь хотя подойти близко к моему дому, то я велю проучить тебя добрым порядком». Как громом пораженный Ипполит стремглав бросился вон и не прежде опомнился, как выбежав далеко в поле. Куда обратиться сироте беспомощному? Теперь в первый раз почувствовал он, сколько был безрассуден, что осмелился взоры любви остановить на прелестной Богомилии и что соответствие ее одной почитал достаточным к составлению его счастья. Бродя по долине, не зная сам куда, он увидел невдалеке скромную

хату Вирилада, также бедного дворянина и бывшего друга покойному отцу его. Он направил туда путь свой, решась верить ему тайну сердечную и просить совета. Вирилад выслушал его терпеливо, улыбнулся и сказал: «Когда в богатом доме отказали тебе в обеде, то садись за мой убогий стол; сыт будешь, а после потолкуем и о твоём горе. Что-нибудь да придумаем».

Когда сельская трапеза кончилась, то Вирилад сказал: «Признаюсь, я считал тебя гораздо разумнее, нежели каков ты оказался. Возможно ли только человеку нашего состояния полюбить дочь богача, единственную его наследницу? Каково было тебе, бедному шляхтичу, когда сведал, что шинкарь увез сестру твою, Марину? По себе суди и о других. Бесспорно, ты молодец изрядный: первый на плясках и на праздниках, но этого мало для заносчивого Никанора. Кинь, друг мой, пустые затеи, и бог тебя не оставит. Если ты, отуманенный глупою любовью, не знаешь, так я сказываю, что у православного царя начинается война с безбожными агарянами{2}. Явись к полковнику Полтавского полка, запи-

шись охотником{3} и ступай в поход. Уверяю тебя по собственному опыту, что военные труды и беспокойства вылечивают и не от таких дурачеств, каково, например, любовь бедного парня к богатой девице. Сверх того и поживиться кое-чем от неверных я грехом не считаю. Почему знать нам долю свою?

Может быть, по окончании войны возвратишься ты не с пустыми руками. Я даю честное слово высватать за тебя, хотя не очень богатую, но добрую, честную невесту, и ты в поместье своем заживешь, как бог поможет. Не противоречь мне! Давай руку в знак согласия, и мы обменяемся крестами».

Исполиту ничего не оставалось, как повиноваться благому совету опытного своего друга. Он сознавался самому себе, что не утерпит, хотя изредка, видеться с Богомилией, а также знал, что и Никанор шутить не охотник.

Итак, подумав, погадав, он решился преодолеть пагубную страсть и пуститься на одоление неверных. Сборы его были не велики. На другой же день он предстал пред воротами хаты Вириладовой, сидя на тощем коне, опоясанный прародительскою саблею, с парюю пи-

столетов за кожаным поясом. Вирилад благословил его, и витязь наш пустился в путь. Целые пять лет о нем не было никакого слуха, и все, знавшие его, сочли, что он пал под ударами агарян. Однако ж мы в начале этой повести видели, что Ипполит Голяк здравствует и возвращается на свою родину, но — увы! едва ли не беднее прежнего, когда оставлял ее. Он въехал на упоминаемую мною долину перед закатом солнечным, остановил коня, осмотрелся кругом и вздохнул. «Ах! — сказал он довольно громко, — вот впереди меня село, в котором господствует надменный Никанор и где, может быть, имеет уже внуков. В том же селе бесчинствует преступный пан Авраамий с беспутным сыном своим, Иваном. Вот — в правой стороне — моя родовая хата; но она заросла высоким бурьяном, окна выбиты градом, и соломенная крыша снесена ветрами. Там недалеко — убогая хата друга моего, Вирилада; но что я вижу? На месте том возвышается пространный дом с обширным садом. Конечно, кто-нибудь другой завладел тем местом; где мне отдохнуть от дороги?»

В таком недоумении Ипполит слез с своего

иноходца и пустил его на траву, а сам решил-ся провести ночь под открытым небом и по-утру от проходящих уведомиться, кто посе-лился на земле Вириладовой и может ли он хотя на короткое время ожидать там госте-приимства? Вследствие сего вынул он из по-ходной сумы край засохшего хлеба и опустил в копанку, а сам, у севши подле, продолжал вздыхать и мечтать, смотря попеременно на свою хату, из коей, пользуясь наступающею темнотою, начали показываться кучи нетопы-рей, на место бывшего жилища Вириладова и на отдаленное село, где жила прелестная, нежная Богомилия.

Вскоре невдалеке от себя, в чаще мелких кустарников, услышал он говор людской, и пред ним показалось несколько человек в польской одежде. Шедший впереди вел за уз-ду лошадь о трех ногах, ибо четвертую держа-ла она на воздухе. За этим двое здоровых вы-соких мужчин вели под руки третьего, кото-рый казался их господином. Он имел багря-ные щеки, каждую величиною с добрую ды-ню, а чрево, опустившееся до колен. Они все не очень тверды были на ногах.

«Нет, добрые люди, — говорил пузан, — я далее идти не в силах. Этакая напасть! Ступайте вы домой и пришлите сюда мою колымагу, да не забудьте уложить в нее что-нибудь съестное, а особливо корзину с напитками.

Я покуда пробуду с этим богатырем, который, в случае нужды, защитит меня от всяких нападков. Подведите меня к его чести».

Когда незнакомца усадили подле изумленного Ипполита, то один из ведших его под руки сказал: «Нельзя ли переменить тебе свое приказание? Панкрат всех нас тверже на ногах, так пусть бредет домой с конем своим, а мы при тебе останемся в ожидании колымаги. Долго ли проломить голову, стукнувшись лбом об дерево или ввалиться в ручей?» — «Упаси боже от напасти», прошипел толстяк и дал приказание; Панкрат с конем побрел далее, а прочие полегли по сторонам господний. Тогда этот, обратись к Ипполиту с веселою улыбкой, сказал: «Я вижу в этой кристалловидной копанке нечто съестное. Вот подлинно самый рыцарский ужин! — Какой же добрый конь погуливает! Кстати! Я сегодня

обедал в ближнем селе у богатого и гостеприимного пана Ивана, который праздновал все-радостный день кончины его родителя, за год пред сим последовавшей. Имея изрядный достаток и управляя всем по своей воле, он накупил довольное число кобыл из гетманского завода и теперь нуждается в добром жеребце, Не уступишь ли ему, рыцарь, своего иноходца, а пан Иван не поскупится дать плату хорошую?»

Ипполит не мог не оскорбиться такою яв-ною насмешкою. «Если твой пан Иван, — отвечал он отрывисто, — гостеприимен и щедр, чему я охотно верю, смотря на тебя и твоих провожатых, то для чего не предложишь для кобыл его — своего коня?» — «Ах! — отвечал незнакомец с тяжким вздохом, — и подлинно мой конь лошадь добрая, но нас обоих постигло сегодня несчастье. Когда я возвращался из гостей домой и, поддерживаемый двумя служителями, не предвидел никакого несчастья, саженьях во ста отсюда вдруг почувствовал в носу сильный зуд. Сколько я ни крепился, но не мог удержаться, чихнул, конь мой подломился, и я — повергся лицом к земле. Бедная

животина повредила одну ногу, а я благороднейшую часть в теле человеческом — чрево, и — как видишь — осужден сидеть здесь на сыром воздухе и терпеть голод и жажду.

Конечно, за грехи предков я наказываюсь, ибо истинно за собою никакой вины не знаю! Великолепный рыцарь!

я человек веселый, хотя уже и весьма не молод. Если ты в этих местах погостить намерен, то не худо сделаешь, когда наведишь меня. Стоит тебе у первого прохожего спросить о жилище пана Вирилада: то всякий укажет.

Вот оно!»

«Как? — вскричал Ипполит, вскочил на ноги и, трижды перекрестясь, сказал вполголоса: — С нами бог! это небывальщина. Я весьма коротко знал почтенного Вирилада, и он столько ж на тебя походил, как ловкий сокол походит на неуклюжего филина. Выходи, — продолжал он, отступив на несколько шагов и схватя за рукоять сабли, — выходи! Ипполит Голяк тебя не боится».

Тут упитанный незнакомец в свою очередь изумился и начал протирать глаза. «Нет,

дружок, — сказал он наконец, — меня не обманешь! Я также коротко знал Ипполита Голяка и как теперь на него гляжу. За пять лет пред этим он отправился в туречину, и вся здешняя округа знает, что он давно положил там свою голову. Если ты служил с ним вместе и, зная все его жите-бытье, затеял воспользоваться обширными его поместьями, то с богом! спорить никто не будет, кроме бесчисленного множества летучих мышей и филинов. Но зачем грешить и употреблять вместо своего чужое имя?»

«Час от часу лучше, — говорил Ипполит. — Если ты и в самом деле Вирилад, то скажи, что принудило бедного Ипполита оставить свою родину?» «Это не тайна, — отвечал старик, — несчастная любовь к прекрасной Богомилии выгнала его отсюда. Ах! сколько нежная любовница потратила слез горячих! Однако ж она надеется скоро получить утешение. Чрез две недели назначен брак ее с Иваном, сыном покойного пана Аврамия. Ведь когда ж нибудь надобно забыть погибшего Ипполита. Какой-нибудь муж, только живой, все лучше самого хорошего покойника! Если

б жива была мать Богомилии, то, может быть, сжалилась бы на стоны страдающей дочери; но по смерти ее, за два года перед этим последовавшей, отец хочет, чтоб воля его была законом для всех, подпавших его власти». — «Праведное небо! — сказал Ипполит с тяжелым вздохом, — такую ли весть должен я слышать в час прибытия на родину? О Богомилия! ты меня забыла и думаешь о другом! Для чего я в этом не могу подражать тебе? Если ты, — продолжал он, — по непонятному чуду, из бедного, тощего Вирилада и впрямь превращен в богатого Вирилада, то покажи свой крест; а я покажу тебе свой». — «Изволь», — отвечал старик, и оба начали распаиваться. Вдруг показалась богатая колымага в три лошади, окруженная многими людьми с фонарями. При свете их кресты прилежно рассмотрены, и Вирилад, со слезами на глазах, заключил Ипполита в свои объятия.

«Слава богу, — сказал он, — что сын моего друга уцелел в земле неверных. Хотя я не могу назваться богачом, однако ж и не беден, как был прежде. Ты покуда — до перемены обстоятельств — можешь проживать у меня

во всяком довольстве, ибо, правду сказать, твое жилище, простояв пять лет без всякой поправки, теперь походит на дырявую бочку, которая не может жильца своего защитить ни от дождя, ни от ветра. Завтра ты услышишь о чуде, посредством коего сделался я достаточнее, а теперь на чистом воздухе насладимся дарами божьими, ни мало нами не заслуженными».

Белая скатерть разостлана на траве, и пред Вириладом и Ипполитом поставлены две корзины: одна с холодными мясами, а другая с напитками. Наш витязь охотно оставил свою краюху хлеба в копанке на прокормление ворон и галок и принялся за Вириладов ужин, по окончании коего хозяин с гостем поместились в колымаге и отправились домой. Там Ипполиту отведена особая комната и в ней постель, на какой он от роду не покоился.

Утомленный воин разлежся на мягком пухе и без сомнения скоро бы заснул сном безмятежным, если бы долго не мучили его мысли о прелестной Богомилии и ненавистном пане Иване.

Ипполит с младенчества привык остав-

лять постель до восхода солнечного. Время, проведенное на войне, не могло уменьшить этой привычки. А посему он и теперь встал с появлением зари утренней и, видя, что в роскошном доме все еще спит, он оделся и пробрался в сад, который был обширен и преисполнен всякими плодовыми деревьями, прекрасными цветами и редкими растениями. Ипполит, бродя по тропинкам, вздыхал и говорил: «Праведный боже!

Я целые пять лет лучшей части жизни моей шатался по Крыму и Турции, терпел усталость, голод, жажду, получал раны — и возвращаюсь на родину почти нищим; между тем как старик Вирилад, не выходя, так сказать, из хаты, разбогател непомерно и живет настоящим паном! О счастье! не даром пишут тебя слепую женщиною, как видел я в доме своего полковника в Полтаве. Ты столь же слепо и безрассудно, как большая часть людей твоего пола».

Солнце было уже довольно высоко, как нашего богатыря настиг хозяин, сопровождаемый двумя служителями.

«Любезный гость, — сказал он, — я следую

советам медика, славного полтавского жида Измаила, и каждое утро перед завтраком в хорошую летнюю погоду прохаживаюсь по саду и бываю в купальне. Не хочешь ли сделать мне товарищество? От этого поедим охотнее, к тому ж я примечаю, что на тебе присохла пыль крымская и татарская. Охрим!

Харько!» — Тут пошептал он слугам нечто на ухо; они ввели их в купальню, раздели, опустили Вирилада в воду и удалились.

Когда паны выкупались, то Охрим и Харько пришли, один с ножницами и бритвенным прибором, а другой со связкой платья. «Согласись, Ипполит, сказал Вирилад, — что ты в дорожном своем облачении более походишь на запорожского серомаху[1], чем на малороссийского есаула. Чтоб не перепугать моих племянниц и не рассмешить сестры и зятя, что, конечно, было бы и для тебя и для меня весьма неприятно, надо переодеться в одно из моих платьев, коих множество наделал я, как скоро разжился и когда отнюдь не предвидел, что они скоро будут мне не в пору. Охрим!

подбрей чуб и завей усы пану есаулу, а по-

сле ты, Харько, оденешь его».

Когда все было готово, то паны введены в особенную комнату в доме, нарядно убранную, в которой Вирилад читал молитвы, завтракал, иногда — во время недугов — обедал и ужинал, и куда никому из домашних не дозволялось входить без особенного призыва. Здесь-то ожидал их сытный завтрак, по окончании коего и по высылке слуг Вирилад сказал:

«Я объявлю тебе главнейшие обстоятельства, случившиеся со мною во время нашей разлуки. Первая зима после твоего выезда была весьма сурова. При наступлении весны я увидел, что целая половина деревьев в моем садике вымерзла; а тебе известно, что главное содержание получал я от плодов и овощей, продаваемых в ближнем селе, где денег и нужд больше, чем у нас на хуторах. Я ахал, стонал и не знал, чем пособить горю. В этой крайности обратился я к сельскому священнику с просьбой подать мне совет, как спастись от бедности. «Друг мой, — сказал добрый пастырь, — я дам тебе совет и совет весьма хороший, но и ты дай слово, что будешь

ему следовать». — Я охотно обещался, и он продолжал: «Согласись, пан Вирилад, что ты доселе жил подобясь более дикарю, нежели малороссийскому шляхтичу. Ты в самые торжественные дни не поздравил ни однажды с праздником именитейших наших панов Аврамия и Никанора, а они во всякое время тебе быгодились. Попытайся теперь попасть на разум. Старайся быть у них как можно чаще и смешить их как можно больше, Я пособлю тебе, сколько буду в силах, и ты увидишь, что без помощи не останешься». — И в самом деле! едва начал являться к панам Аврамию и Никанору с поклонами, как заметил в них доброхотство. Я изрядно представлял шута, позволял пускать себе в глаза табачный дым, мять чуб и ерошить усы; но за то, по прошествии с небольшим недели, получил от одного в подарок полную пару нарядного платья, а от другого пару волов. Это мне крайне любилось, я продолжал юродствовать, день ото дня становился для них милее. Когда ж увидел, что отравы лести, угождения и унижения сильно подействовали на сердца и души моих милостивцев, то при удобном случае от-

крыл Никанору, в присутствии Авраамия, о несчастьи, постигшем сад мой. «Куда как ты глуп, пан Вирилад, — вскричал Авраамий, дав мне доброго пипка, — что давно не сказал нам об этом. Займись-ка с своим работником вырытием замерзлых деревьев с корнями, и сколько окажется пустых ям, скажи нам.

С паном Никанором мы снабдим тебя таким же количеством здоровых деревьев, приносивших уже плоды года за два и за три».

Условясь таким образом, не мешкая принялся я за дело.

В одном углу сада трудился работник мой, Влас, а в другом я. На третий день этой египетской работы{4}, когда я откапывал самые глубокие корни усохшей груши, вдруг под заступом что-то зазвучало, и он остановился. Со всевозможным тщанием начал я огребать землю, сердце билось непомерно, руки дрожали, колена подгибались. Вскоре откапываю два довольно больших железных котла, сильными ударами топора сбиваю с них крышки и — цепенею от восторга, видя, что они полны золотых монет польских, турецких и каких-то других, мне незнакомых. Первая

мысль моя была — возблагодарить бога, даровавшего нам столь жестокую зиму, что она заморозила сад мой, а вторая — прибрать сокровище к рукам и перенести в свою хату. Это сделать было весьма нетрудно. Половину моей казны, посредством знакомого еврея, обратил я в злотые и — не переставая усердно услуживать панам Никанору и Аврамию и другим соседним помещикам — купил богатый хутор, переселился в него на время и начал, вместо бывшей у меня хаты, строить настоящий панский дом со службами и разводить обширный сад. По окончании всего и по снабжении всем нужным я поместился в сем доме навсегда, ибо признаюсь, что сверх привычки к родине меня долго не оставляла мысль, что, может быть, не сыщу ли под какою-нибудь яблонью того же, что нашел под грушею. Вся окружная сторона удивлялась, откуда я мгновенно так разбогател; а я довольствовался ответом, что сверх чаяния получил достаточное наследство после деда, бывшего в Камчатке воеводою.

С сего достопамятного времени я начал жить нарядно, остерегаясь, впрочем, чтобы

ни один убогий Лазарь не был прогнан от ворот моего дома{5}. Я строго приказал служителям, чтобы тотчас был накормлен алчущий, напоен жаждущий, одет наготейший. Я посещал соседей, привозил с собою везде непритворное удовольствие и вскоре сделался другом дворян, духовных и крестьян. Но как беспрестанно быть в гостях столько ж надоест, как безвыходно сидеть одному дома; имея же за спиной более пятидесяти лет, искать жены считал за дурачество, — то я принял к себе в дом меньшую сестру с ее мужем и двумя дочерьми, а двух сыновей их отправил в Полтаву, чтобы они воспитывались в тамошней семинарии на моем иждивении.

Имея всегда спокойную совесть, вкусную и здоровую пищу, превосходные вина и наливки, я хорошо спал, вставал здоров и весел; видел, что все, меня окружающие, так же здоровы и веселы, — не мудрено, что в четыре счастливые года неприметно из тощего Вирилада вышел таким, каким ты меня видишь. За мною нет другого дела, как только каждое утро и каждый вечер прочесть обычные молитвы, прогуляться по саду, позавтракать и

опять прогуляться или поехать, куда вздумается. Всем наружным хозяйством управляет зять, а внутренним сестра с дочерьми своими. Вот тебе, любезный друг, отповедь о жите-бытье моем. Скажи ж теперь, в каком состоянии возвратился ты из бусурманщины? Хотя наружность твоя и не показывает ничего доброго, но наружность часто обманывает. Легко станется, что в твоих лохмотьях зашиты перлы и дорогие каменья. Объяви всю правду. Может быть, я и дерзну еще в твою пользу поговорить с Никанором. Между нами сказано: Богомилия терпеть не может жениха своего за грубость, наглость и бесчинства разного рода; и это не безделица. Говори же!»

Ипполит покраснелся. «Увы! — сказал он, — не всякому удастся находить клады. Будучи на одном сражении тяжело ранен, я сделал обет, в случае выздоровления, посетить Афонскую гору и в одном из тамошних монастырей провести целую седмицу в посте и молитвах. Я выздоровел и исполнил в точности свое обещание. При выходе из монастыря я подарил иноку, в келье коего обитал целую неделю, мешок кофею, отбитый мною у

неприятеля, а он отдарил меня двумя крестиками и разными редкостями, кои тщательно уложены были в моей дорожной сумке и в сохранности довезены сюда».

Вирилад несколько минут хранил молчание, с важностью глядя на своего гостя; потом так захохотал, что задрожали окна и зазвенели стекла. Он охватил чрево обеими руками и продолжал смеяться; слезы текли градом по румяным щекам его. Ипполит сидел, застыдась и потупя глаза в землю. Когда Вирилад наконец удержался от смеха, то, тяжело вздохнув, сказал: «Подлинно ты вывез диковинные вещи; но, друг мой, ныне и в нашей Малороссии народ начал развращаться, так что и самый страстный охотник до редкостей, а притом самый богатый и щедрый, за все твои и с сумкою едва ли даст боле одного золотого.

Этакое горе! Однако ж унывать не надобно; уныние тяжкий грех. Я испытаю все, что могу сделать для тебя доброго. Хотя правда я сам ничего путного не предвижу, однако ж попробуем. После вчерашнего несчастного случая я сегодня целый день просижу дома, а завтра буду обедать у Никанора, и посмотрю

рим: что будет, то и будет. Пойти было проведать, что сестра готовит к обеду».

По выходе Вирилада Ипполиту нечего было делать, как разгуливать по комнате и любоваться своим нарядом.

В полдень вошедший слуга объявил, что хозяин со всем семейством ожидает его в столовой. Ипполит пошел за путеводителем и скоро нашел Вирилада, окруженного ближними «Зять! сестра! — сказал он, — прошу жаловать любезного гостя и соседа, Ипполита Голяка, который по моему совету ратовал с турками и татарами и вчера только возвратился из похода. Я не один раз тужил при вас о потере этого рыцаря. Он вывез из Турции довольно число редких вещей, которые мы когда-нибудь увидим и полюбуемся».

Ипполит приготовился было сделать красивое приветствие, но последние слова Вирилада о редких вещах смешали его так, что он не проговорил ни слова, а довольствовался поклонившись каждому особо. Все сели за стол, развеселились, и как обед, так весь день, вечер и ужин прошли весьма приятно; и Ипполит заснул покойнее, чем в прежнюю ночь.

Поутру наш витязь поступил по-вчерашнему, т. е. пошел в сад, там в купальню, наконец в комнату хозяина, думая найти его за завтраком. Однако ж, к удивлению, ничего такого не видел. Вошедший слуга сказал, что завтрак будет общий в столовой, но что Вирилад, вероятно, завтракать будет у Никанора, куда часа за два отправился в колымаге.

Как сей день, так и пять следующих прошли в тишине и довольстве. Ипполит ел, пил, прогуливался, спал и начал примечать, что между костями и кожей начинает показываться тело, ибо из похода вступил он в пределы отчизны совершенно бестелесен. Он был бы даже весел, если б продолжительное отсутствие Вирилада и совершенная неизвестность, что он делает или что с ним сделалось, его не тревожила.

Под вечер шестого дня по отсутствию хозяина, когда Ипполит после продолжительной прогулки отдыхал в беседке сада, вдруг предстал перед него Охрим, неся в одной руке бутылку и чарку, а в другой блюдо с сладким пирожным.

Поставя то и другое на столе, он сказал:

«Пан Вирилад приказал пожелать тебе здравия. Это вино, по словам его, самое лучшее во-лошское из погребца Никанорова, а этот пирог собственно для тебястряпала Богомилия. По-полдничай и послушай, что мой пан для тебя сделал, а потом прочтешь письмо, из коего узнаешь, чего и он от тебя ожидает. К утру приготовь ответ, который я отнесу к нему».

С великою охотой принялся Ипполит за полдник, а Охрим начал повествовать следующее: «Как скоро пан Вирилад высажен был мною и Харьком из колымаги у крыльца дома Ннкапорова, то первая встретила нас Богомилия. Пан Вирилад, поздоровавшись с нею, сказал вполголоса: «Прелестная девица! отгадай, кто теперь гостит у меня?» — «Какой-нибудь твой приятель!» — «В половину отгадала! именно приятель, — а зовут его Ипполит Голяк!» Богомилия зарделась как роза, и руки ее опустились. — «Так, — продолжал пан, — он воротился на родину здоров и более влюблен в тебя, чем прежде». — Богомилия ничего не отвечала и шла вперед, а за нею пан Вирилад.

В гостинной встретил нас пан Никанор,

принял посетителя очень ласково и начались разговоры; но до обеда и за обедом ничего до тебя касающегося говорено не было. По окончании обеда Богомилия и все служители вышли; одни паны остались за бутылками. Я и Харько, вышед в другую комнату, стали у дверей под предлогом, что наш пан не очень здоров и каждую минуту может нас потребовать.

«Не понимаю, — сказал Вирилад, — как такой разумный человек, как ты, решился единственную дочь свою, милую, прекрасную, первую невесту во всей округе, выдать за пана Ивана, первого негодяя, нечестивца!» — «Пан Вирилад, — отвечал Никанор строгим голосом, — я люблю слушать твои шутки, но надобно, чтоб они не выходили из пределов благопристойности. Как решился ты про моего будущего зятя и в моем присутствии говорить такую обидную нелепицу?» — «Нет, пан Никанор, — отвечал Вирилад, — то не есть нелепица, что можно доказать перед целым светом». — «Право? Докажи по крайней мере передо мной, ибо мне это знать нужнее, чем всей Малороссии». — «Изволь, слушай и отвечай, когда будут спрашивать: кто был пан Ав-

рабий до того времени, пока не сделался сотником? Не совершенный ли бедняк, пройдоха? Получив возможность наживаться, не он ли употреблял к тому притеснения, насилия, хищничества, разбои? При всем том он достиг своей цели, т. е.

оставил сыну значительное имение. Не должен ли был он ожидать, что по крайней мере этот самый сын пощадит память его? Ничего не бывало! Пан Иван первый поносит отца своего, рассказывает каждому о его преступлениях, издевается над его раскаянием при смерти и покупает лошадей и собак на ту сумму, которую отец завещал раздать нищим, коих он такими сделал. Не должно ли человека этого назвать нечестивцем?» — Никанор не отвечал ни слова; но слышны были его вздохи. Вирилад продолжал: «В пяти верстах отсюда, на уединенном хуторе, еще при жизни отца завел он сераль из оболыщенных им несчастливиц, и он постоянно всякую неделю два раза посещает это жилище бесстыдства. Если такой человек предлагает руку свою кроткой, невинной, нежной девице, не есть ли он — не только негодяй, но изверг, чудови-

це?»

«Праведный боже! Неужели это все справедливо?» — раздался голос Никанора, и в ту же минуту нечто тяжелое обрушилось на пол. Я и Харько вбегаем в столовую и видим нашего пана, растянувшегося на полу, и Никанора, старающегося поднять его, — но тщетно! Мы подбежали, подняли обрушившегося и посадили на кресло, а обломки прежнего, на котором сидел он, подобрали. «Что это значит, любезный друг?» — спросил Никанор с видимым участием. — «С нами бог! — говорил Вирилад, крестясь правою рукой, а левою оцупывая затылок, — беда за бедой!

третьего дня подломился подо мною конь, а сегодня кресла». — «Неужели тебе поставлено было ветхое?» — спросил опять Никанор с краскою гнева. «Грех это сказать, — отвечал Вирилад, — я думаю, что то же бы случилось, если б оно было и железное. Когда я увидел, что ты, выслушав про беспутство нареченного зятя, зашатался, я быстро вскочил на ноги, но, как-то потеряв равновесие, со всего размаху стукнулся на кресло, оно рассыпалось, и я полетел на пол вверх ногами. Ах! что-то со

мною бедным будет!»

По приказанию Никанора мы увели своего пана в особую комнату, раздели, уложили на постель, и — по его желанию — я один при нем остался, Тут начал он делать мне наставление, какой подвиг должен произвести я на другой день, что и продолжалось до позднего вечера. Ужин принесли к постеле больного; но он, к великому удивлению Никанора, который тут же находился, объявил, что почти не чувствует аппетита; и действительно, он съел только молодую жареную индейку и с полсотни раков да выпил по одной небольшой сулейке вишневки и рябиновки.

На другой день, вскоре по восходе солнечном, вследствие данного мне накануне наставления, пустился я домой и, взяв три нарядные платья и нужные к ним приборы у племянниц Вириладовых, отправился в свой хутор. Там, в небольшом господском доме, проживает Лариса, молодая, весьма пригожая, весьма ловкая девушка шляхетского происхождения. Она выписана из Полтавы, где славилась шитьем, вышиванием и мытьем белья на самых знатных панов. Вирилад

предложил ей содержание и плату вдвое более той, какую получала она в городе за труды свои, с тем, чтобы всему, что знает, выучила пять девушек в его доме. Она с полгода жила здесь, но как сестра Вириладова и ее дочери подметили сомнительное поведение этой нимфы, то пан, по просьбе родных, переместил красотку и всех учениц ее в свой хутор. К ней-то отправился я с своим узлом.

Лариса, выслушав предложение Вириладово и весело взглянув на сто злотых, даваемых именем пана с обещанием подарить вдвое, если она успеет в том, чего от нее требуют, сей час на все согласилась. Я взялся было сообщить ей наставления, от пана мною полученные, как удобнее достигнуть ей своей цели, но она с улыбкой сказала:

«Помни только, Охрим, что собственно до тебя касается; а что до меня, то я не имею нужды ни в чьих советах, и довольно только намекнуть, чего от меня хотят, я уже знаю, как привести дело к обыкновенному окончанию». Она ушла в особую комнату наряжаться, а я принялся за приготовление к дороге. В легонький, красивый возок впряг два коня,

взмостился на козлы и подъехал к крыльцу. Сборы Ларисины, как у всех красавиц, длились немалое время.

Наконец она показалась с узелком под рукою. Она так была хороша, что и я, человек уже не молодой, как видишь, не мог на нее не засмотреться. Я не прежде пришел в себя, как она сидя уже в возке, сказала: «Что же, Охрим? Пустимся в путь». — Я тихо ехал, во-первых, по желанию Ларисы чтобы скорою ездою не растрясти ее, и во-вторых, чтобы удобнее курить тютюн. В самую обеденную пору были представлены мы пану Ивану, когда он шел в столовую.

Взглянув на Ларису, он остолбенел и несколько времени не промолвил ни слова. Лариса, зная этому причину, потупила в пол глаза, опустила руки и также молчала. «Ну, дорогой пан Иван, — думал я, — едва ли ускользнуть тебе от этой русалки!» — Наконец Лариса подняла прекрасные глаза, устала их на Ивана и тихим голосом сказала:

«Я несчастна! будь великодушен, добродетельный пан Иван, и дай мне на короткое время убежище в своем доме». — Иван встре-

пенулся, подошел к прелестнице и сказал с нежностью: «Почему ж и не навсегда, прекрасная незнакомка?»

Не долг ли всякого сильного защитить и призреть бессильного! Но кто ты и какими судьбами находишься в моем доме?» — Лариса отвечала: «Я дочь благородных родителей, проживавших в Полтаве. Пока они здравствовали, я ничего не знала, кроме радостей. С год тому назад они один после другого скончались, я осталась под властью самолюбивого, жестокого брата и тут-то узнала, что значит быть сиротою. Брат, не желая иметь меня свидетельницей всегдашних распутств своих, беспрестанно твердил, чтоб я выходила замуж за которого-нибудь из женихов, посещавших дом наш; но как все они были люди, не менее моего брата развращенные, то могла ли я склониться на какой-нибудь выбор? Вчера под вечер свирепый властелин сказал мне: «Лариса! даю тебе сроку на размышление: весь этот вечер и целый завтрашний день; послезавтра ты будешь женою пана Олимпана, или я сошлю тебя в хутор и заставлю пасти гусей и уток». — Он ушел, оставя меня в

отчаянии. Пан Олимпан, конечно, был богаче всех женихов моих, но в замен того всех безобразнее, грубее, развратнее.

В сей крайности велела я позвать пана Дохиара, искреннего друга покойного отца моего. Выслушав о несчастьи, мне угрожающем, он сказал: «Кроме скорого побега, я не знаю другого средства к твоему спасению. Верстах в тридцати отсюда есть хутор и дом моего давнишнего приятеля, пана Вирилада. Он уже очень не молод, следовательно, нимало не опасен для молодых девушек; он довольно богат а посему ты не будешь ему и тягость; в доме живет сестра его с двумя возрастными дочерьми, и так тебе не будет скучно. В эту ж ночь будь готова. Как скоро займется заря утренняя, выходи за Миргородские ворота. Там найдешь ты верного слугу моего, который вручит тебе письмо к Вириладу. Он знает дорогу к сему пану и на возке моем сохранным довезет тебя до места». — Я последовала сему благому совету и часа за два пред этим благополучно прибыла на двор пана Вирилада, а слуга пустился домой окольною дорогой. Когда я предстала к сестре хозяина и рассказала

о своем несчастьи, то эта степенная панья отвечала: «Брат мой, будучи в гостях, заболел, а без него я ничего не могу сделать, а особливо для беглянок. Я отошлю к нему это письмо, и подождем, что он скажет. Она послала этого слугу, и я осталась в мучительной неизвестности».

«Теперь моя очередь, — сказал я, сделал шаг вперед и продолжал повесть: — Пришед к пану Вириладу, я вручил письмо, и когда он прочел и задумался, то я рассказал, как сестра его приняла незнакомку. «Сестра моя неправа, отвечал он, — ибо, принимая к себе в дом всякого без разбору, можно нажить хлопоты, кои трудно будет стрясти с шеи. Ника нор также очень щекотлив и, боясь положить пятно на имя своей дочери, наверное беглянки не примет.

Куда ж мы ее денем, ведь и ее жаль! Ба! — сказал он, подумав, — пан Иван великодушен и храбр; он не струсит, если бы и дюжина братьев Ларисиных к нему наскочила. Ты, Охрим, сам отвези девушку к пану Ивану и моим именем попроси принять ее к себе на некоторое время. Как скоро я стану на ноги, то пря-

мо приеду к нему, порасспрошу красавицу, как называет ее в письме друг мой, Дохиар, и если она будет Ивану в тягость, то возьму к себе, а до тех пор ты безвыходно побудь при ней». — Я исполнил в точности приказание пана и теперь жду ответа».

«Хотя твой пан Вирилад, — говорил пан Ивам, — довольно глупый шут, однако на сей раз сказал умное слово. Так, милая Лариса, в храбрости и великодушии я никому не уступлю, и ты можешь оставаться в доме моем, сколько пожелаешь. Что ж до тебя, Охрим, то и без такого олуха есть кому прислужить престной госте, и ты можешь теперь же уплестись домой». «Нет, — сказала Лариса твердым голосом, — я не хочу огорчать почтенного Вирплада, доброхотству коего я вверена его другом; пусть воля его на сей раз будет исполнена». — «Им пусть этот ротозей покуда остается, — отвечал Иван, — только с тем, чтобы в доме Никанора об этом ни слова». — «Пан мой, — отвечал и, — именно приказал, чтоб о Ларисе не только в доме Никанора, но и в его собственном ни полслова о сем говорено не было». — «Право, сказал Иван, засмеяв-

шись, — Вирилад под старость становится разумным шутком».

Хозяин и гостья сели за стол, и первый не уставал наговаривать ей самые льстивые речи. Последняя была воспитана не в дурной школе, и потому дело шло наилучшим порядком.

После обеда Ларисе отведена комната, назначенная спальнею, когда Иван женится на Богомилии. Там стояла великолепная постель, и все уборы были блистательны. За такой знак внимания Лариса отблагодарила Ивана страстным взором, и он в первый раз белую ручку ее прижал к губам своим. Послеобеденное время проведено в саду, а вечер и часть ночи за роскошным ужином. Тут хозяин проводил гостью до дверей спальни, поцеловал ее руку, и они расстались.

Так прошли еще два дня. Час от часу пан Иван становился влюбленнее, а Лариса нежнее. Они почти не разлучались.

Вчера поутру Лариса сказала мне: «Поди к пану Вириладу и скажи, что в эту ночь будет развязка комедии». — Я счел нужным сказать Ивану, что необходимая нужда заставляет на

несколько часов побывать у себя в доме. «По мне хоть в омут кинься», — отвечал он хладнокровно, и я полетел в дом Никанора.

Когда я объявил Вириладу о успехах Ларисы, то он сказал: «Дело идет на лад! Не тревожься, Охрим, что здесь ни увидишь». — После сего он начал стенать и охать час от часу громче и громче, наконец болезненно закричал изо всей силы. Никанор прибежал к недужному, а сей уверяя, что чувствует неносную резь, просил послать в Полтаву нарочного, дабы привезть славного врача, жида Измаила.

В ту ж минуту отправлен возок в три лошади, и пред закатом солнца жид явился; я получил новые наставления и побрел в дом пана Ивана.

Он водил Ларису из комнаты в комнату, держа за руку.

Наконец настали сумерки, стол набран, и любовники сели рядом. Лариса была уже не спесива и за ласкательные слова платила тем же. Стол кончился, хозяин остался с гостьей вместе в ее спальне.

Дворецкий пригласил и меня за стол,

оставленный паном, ибо он так торопился, что и осьмой доли не употреблено из того, что было наставлено. После банкета я отправился на свое логовище, но не с тем, чтобы спать, подобно прочим. Едва начало на небе брезжить, я встрепенулся, вскочил, выбрался из дому и бегом пустился в дом Никанора. Я разбудил дневальных слуг и настоятельно требовал, чтоб меня представили помещику. Когда я введен был к нему, то плачевным голосом возопил: «Вставай, пан Никанор, и спаси своего нареченного зятя. Незадолго пред этим сделался ему удар, и он теперь без чувств. Домашние его, зная от меня, — а мне случайно трафилось ночевать в его доме, — что у тебя гостит теперь врач Измаил, уговорили бежать к тебе и просить о вспоможении недужному».

Пан Никанор всполошился и вскочил с постели. Слуги сбежались и начали одевать его, а другие посланы были то же сделать с Измаилом. Через полчаса хозяин, жид и, к удивлению всех, пан Вирилад собрались в гостиной, дабы всем вместе посетить больного. «Я столько люблю ближних, каковы б они ни

были, — сказал пан мой, — что на смертном одре не обвиняясь посету и Ивана». Никанор поблагодарил его за такой несомненный знак дружества, все сели в колымагу и чрез полчаса были уже в доме пана Ивана. Никанор, видя, что со всех сторон господствует глубокая тишина, сказал с горестью: «Неужели пан Иван столько любим своими подданными, что они спят убитым сном, когда он борется со смертью. Ах, друг мой Вирилад! едва ли не правду говорил ты о моем будущем зяте!»

Я провел неожиданных гостей до самой спальни Ларисиной, отворил ее и ввел всех в эту обитель.

Само собой разумеется, что пан Никанор не мог остаться хладнокровным зрителем сего позорища. Он сделал некоторое движение, изображающее гнев и досаду, но Вирилад, хладнокровно удержав его, сказал: «Не рбьячься, пан Никанор, ведь Иван еще не зять твой». — «Ах, друг мой! — произнес со стоном Никанор, — как много я обязан тебе за предостережение! если дочь моя будет счастлива мужем, то единственно тебя благодарить должна. Мой выбор сделал бы ее на всю

жизнь несчастною». — Они все, оставя пана Ивана в недоумении, удалились.

По прибытии домой паны заперлись в особой комнате и не выходили до самого завтрака. После сего Вирнлад, уединясь в свою спальню, написал к тебе это письмо и, посылая меня сюда, приказал завтра рано поутру принести ответ».

С сильным биением сердца Ипполит взял от Охрима роковое письмо, вертел его на все стороны и не смел распечатать, а особливо при постороннем свидетеле. Посему, намерясь идти в свою комнату, он сказал слуге: «Через час приходи ко мне за ответом».

Будучи в своей спальне, Ипполит вскрыл письмо и прочел следующее:

«Любезный друг Ипполит!

Из повествования, какое сделает тебе по моему приказанию Охрим, ты увидишь, как умудрился я подшутить над паном Иваном. Разумеется, что ему не видать Богомилии, как ушей своих, но это еще не значит, что она непременно будет твоею. Исполняя свято законы дружбы, я говорил о тебе с Никанором, представил ему твою любовь, платимую вза-

имною любовью; твои рыцарские подвиги, твои честные правила, словом, все, что может только прельстить старика честолюбивого». — «Ты говоришь хорошо, — отвечал он, но и я не худо сделаю, когда тебя не послушаюсь. Посуди сам, что скажет все соседнее дворянство, когда услышит, что первый помещик в здешней округе единственную дочь свою выдал за бедняка, у которого даже нет собственного приюта? Не всякий ли будет иметь право сказать мне в глаза: видно, дочь твоя, которою ты столько тщеславился, была распутная девка, что не нашелся для нее жених достойнее Ипполита Голяка. Я не спорю, что он молодец изрядный, но даю тебе дворянское слово и божусь в последний раз, что дочери своей за него не выдам, пока не докажет, что у него, хотя и нет наличных денег, есть каких-нибудь вещей на двадцать пять тысяч золотых.

Я знаю не одного из подобных Ипполиту помещиков, которые из походов возвращались не с пустыми карманами». — Согласись, любезный друг Ипполит, что против слов этих я не мог ничего сказать, по крайней ме-

ре ничего путного. Ты морщишься, может быть — дрожишь, может быть — плачешь; но отчаиваться не надобно. Иногда мы находим способы к спасению там, где их и не ожидали. Читай далее и — с возможным вниманием. Ссудить тебя двадцатью пятью тысячами золотых я не могу, потому что теперь их сам не имею; но могу найти такую сумму под залог части имения, однако с условием. Ты, думаю, заметил, что моя тучность становится мне тягостною, а со временем, может быть, будет и гибельною. Находящийся теперь в доме Никанора врач Измаил клянется, что он может составить мазь, которую если хотя один раз натереться, то вся тучность моя пропадет мигом, и я сделаюсь также легок и здоров, как был прежде. Однако, к составлению этой мази потребны, между прочим, такие вещи, которых в пашей стороне: отыскать трудно, именно: грачу надобно иметь чип уха от молодого, сильно влюбленного человека. Если ты, милой друг, желаешь добра себе и мне, то дозвожь окарнать себя надлежащим образом, а труд сей Измаил берет на себя. Как скоро он привезет сюда то, что у тебя убавит, сейчас

пришло нужную сумму денег, и ты получишь руку прелестной Богомилии. Чего тебе более за такое маловажное лишение! Другие в подобном случае не пожалели б рук и ног. Я жду ответа в надежде, что он согласен будет с моим желанием».

Ипполит затрепетал от гнева. Ненавистное письмо выпало из рук его; он склонил голову к груди и долго сидел в полубесчувствии. Наконец, мало-помалу пришел в себя, тяжело вздохнул и сказал: «Ах, проклятый человек! не даром пан Иван называет тебя глупым шутком. Возможно ли сделать мне такое предложение? Ах! мог ли я вообразить, что Вирилад столько безрассуден!»

Он поднял письмо, исципал его в лоскутки, взял бумаги и написал следующий ответ:

«Ты для меня очень чуден кажешься, почтенный Вирилад, что вздумал за двадцать пять тысяч злотых торговать у меня такие вещи, которых не намерен я уступить ни за пятьдесят тысяч».

Запечатав эту записку, он вручил ее Охриму, а сам дал полную волю воображению, строя планы для дальнейшей жизни и — по

обыкновенно всех, строящих воздушные замки, — ни на чем не останавливаясь. На другой день, когда он только что возвратился с утренней прогулки и, будучи уже хладнокровнее против вчерашнего, смеялся глупости друга своего, Вирилада, желавшего тонким образом превратить его в жалкого уродя, Охрим ввел к нему незнакомого слугу, который, поклонись почтительно, сказал: «Пан Никанор желает тебе здравия и просит сегодня к себе отобедать, а пан Вирилад приказал вручить это письмо».

Ипполит, услыша приглашение Никанорова, покраснел и не знал, что подумать; но, смотря на письмо Вирилада, он почел, что сей старик — с надбавкою некоторой цены на его товар — опять делает прежнее предложение, о котором не мог он вспомнить без смеха и досады, и крепко задумался. Но как Охрим напомнил об ответе, то он развернул письмо и прочел:

«Советую тебе, друг мой, не отказываться от предложения Никанорова. Посещение твое, может быть, принесет пользу, по крайней мере ни в каком случае не будет вредно.

В кладовой моей выбери самое нарядное из моих платьев прежнего покроя, а из конюшни возьми лучшего коня с прибором, ибо, думаю, твой скакун не совсем еще оправился с дороги. Мы все ждем тебя непременно».

Ипполит восхищался, не зная и сам чему. Но не есть ли уже счастье после пятилетней разлуки — увидеть прелестную Богомилию, быть подле нее, взглянуть ей в глазки и услышать от нее хотя одно слово, и всем этим наслаждаться с позволения отца, который некогда за то же хотел наказать его примерно. Но среди сего восторга он призадумался, вспомня, что по заведенному исстари обычаю, ему следовало бы чем-нибудь подарить слугу за приятное известие, а у него ничего таковского не было. К счастью, ему скоро пришли на мысль афонские редкости: он бросился к сумке, вынул масличный крестик и, подавая слуге, сказал: «Вот тебе, друг мой, для памяти! вещь, конечно, неказистая, но в наших местах очень редкая. Этот крест сделан в Иерусалиме и по уверению преподобных отцов Афонской горы имеет силу превеликую, так что кто будет носить его на шее, тому нечего

уж ничего бояться. Скажи панам Никанору и Вириладу, что я с благодарностью принимаю приглашение и скоро к ним буду». — Слуга принял редкость Ипполитову с благоговением и удалился, а витязь начал готовиться к дороге, оделся в кармазинные шаровары и такую ж черкеску, выложенные по швам золотым снурком; опоясался голубым штофным поясом с серебряными цветами и прицепил саблю с блестящею рукояткой. Конь, выбранный им из числа Вириладовых, разряжен был щегольски; витязь взлетел на него и, сопровождаемый Охримом, пустился к дому Никанора. Всякий догадается, как сильно забилося сердце его, когда вошел он в двери, а еще сильнее, когда приблизился к хозяину и его милой дочери, и он непременно бы смешался, если б не ободрил его веселый взор Вирилада. «Ты, кажется, робеешь, вскричал он, — ведьмы не турки и не татары и не с тем тебя сюда пригласили, чтоб видеть смиренного отшельника».

Ипполит понемногу оправился, сделался весел и при каждом взгляде на ласкового Никанора думал сам про себя: «Что за чудо? Тот

ли это человек, который за пять лет пред этим столько мне грозил наказанием?» «Мое правило, — сказал Впрплад, — если что доброе можно сделать скоро, того откладывать не должно. Итак, Ипполит, именем почтенного пана Никанора спрашиваю тебя торжественно: так ли ты еще любишь Богомилию, как любил до поездки в землю неверную?» — «Тысячекратно более, — вскричал Ипполит, любовь моя с каждым днем возрастала и продлится до самой вечности». Тут опустил он руки и потупил глаза в землю. Отец, обратись к дочери, спросил:

«Ты что скажешь, моя Богомилия?» — «Я привыкла жить по твоей воле», отвечала она и также потупила прелестные глаза свои. «Итак, Ипполит, продолжал Никанор, — прими мое благословение. Приложи старание, чтобы дочь моя, сделавшись твоею женою, никогда в том не раскаивалась.

Господи боже! благослови их, как я благословляю! удели от собственного моего счастья и сделай их счастливыми!» — Ипполит и Богомилия преклонили пред ним колена и облобызали его руки. Оба старика прослези-

лись, и Вирилад, утирая седые усы, сказал: «Не правда ли, друг Никанор, что нет большего счастья под солнцем, как делать других счастливыми?»

Через неделю торжествовали свадьбу самым пышным образом. Целые шесть дней продолжались пиршества и наконец, по общим законам жизни светской, всем наскучили.

Гости, проживавшие — по обычаю того времени — в доме Никанора, разъехались, и остался один Вирилад, который также начал помышлять о путешествии. Накануне его отъезда, вечером, Никанор сказал Ипполиту: «Любезный зять!

теперь тебе застенничать перед нами не надобно. Я знаю, что ты из Туречины не вывез золота, но и то известно, что воротился не с пустыми руками. Покажи-ка нам ту редкость, за которую пан Вирилад давал двадцать пять тысяч злотых, а ты не соглашался взять и пятидесяти тысяч!»

Ипполит покраснел и потупил глаза. Вирилад, взяв Никанора за руку, с таинственным видом вывел его в другую комнату, где и про-

были около получаса. Наконец Никанор с Вириладом показались. «Ну, Богомилия, — сказал отец, — этот пан сыграл с нами добрую шутку! но так уж тому и быть! Прикажи-ка подать нам добрую сулею волошского; мы хотим провести весело последний день наших праздников». — По его велению было все исполнено.

Теперь остается сказать несколько слов о дальнейшей участи особ, в этой повести действовавших. Итак, было бы известно, что дела Исполитовы пошли наилучшим порядком. Он был любим женою нежно и постоянно, а Никанор отдавал ему справедливость за храбрость, за твердый нрав и за покорность к себе во всех случаях.

Что касается до пана Ивана, то он, по выходе из спальни его Никанора, Вирилада и Измаила, смеялся над глупою их ревностью и нетерпеливо ожидал возвращения своей возлюбленной, предполагая, что она где-нибудь в ближней комнате скрылась до выхода дерзких посетителей. Соскучась ее медлением, он наскоро оделся, шарил по всему дому, но не тут-то было. Он поднял всех слуг и служанок,

начали общими силами искать везде, но нигде не находили. Тут пана Ивана взяла одурь. Он уединился в свою спальню и задумался.

Пока он думает да гадает, скажем, что Лариса, сыграв так удачно назначенную ей роль, из великолепной спальни пробралась в сад, оделась, взяла под мышку узелок с остальными и сверток со ста золотыми (ибо и их захватить по дороге не забыла) и, перелезши через забор, бросилась на свой хутор, достигла туда благополучно и терпеливо ожидала прибытия домой пана Вирилада, чтобы получить от него остальные двести золотых.

Пан Иван ничего путного не мог придумать. Он толковал нелицемерно, ибо в одну минуту потерять богатую невесту и почти за ничто подлинно для всякого невесело. До него дошел слух о помолвке Ипполита на Богомилии, и он заскрежетал зубами, поклявшись вечною ненавистью ко всем врагам своим, в числе коих теперь только начал считать первым Вирилада. «Так, проклятой шут, — говорил он, стуча рукою по столу, — беспутная Лариса была не что иное, как орудие твоей хитрости, употребленной к моей

погибели!»

Не смея появиться в домах Никанора и Вирилада и стыдясь показаться на глаза прочим соседним помещикам, чтобы не навлечь на себя насмешек, пан Иван уединился на свой хутор и предался всем излишествам и распутствам.

Обиженные отцом его дворяне, видя такой беспорядок в делах сына его, со всех сторон бросились с жалобами в полковую канцелярию, требуя возврата имущества, разграбленного Авраамием. В дом пана Ивана присланы нарочные, дабы на месте произвести исследование; но он и тут не хотел опомниться, да правду сказать — было уж и поздно. Он начал забываться и скоро слег в постелью. Кровь взяла превратное течение, ни один член тела не действовал, как должно, и наконец разрушительный перст смерти коснулся его сердцу, когда оно билось в груди только двадцать семь лет. Таков был конец развратного человека, не злого от природы, но избалованного счастьем и излишнею потачкою преступного отца его. Все имение его, приобретенное разного рода неправдами, по определению Вой-

сковой канцелярии, отобрано к прежним владельцам.

Обратимся к Ларисе. В первый раз, когда Вирилад, по окончании свадебных праздников в доме Никанора, осматривал свой хутор, то, навестив Ларису и вручив ей обещанные двести золотых, сказал: «За услугу твою! Если ж ты выберешь жениха по мысли — да кажется давно и пора — то я не поскуплюсь дать приличное приданое». — «Ах, — отвечала Лариса, потупя глаза в землю, — давно уже подбивается ко мне шляхтич Филумен, недалеко отсюда кочующий, ибо его хату не иначе назвать можно, как цыганским шатром, сквозь который пробиваются дожди и ветры. При всем его трудолюбию и умеренности он едва может прокормить себя и одного старого работника с женою. Где ему содержать жену, родившуюся и взросшую в Полтаве, а теперь живущую во всяком довольстве!» — «А если он обзаведется порядочною хатою, — сказал Вирилад, — и в возможности будет пристойно прокормить жену свою, разумеется, неприхотливую, согласишься ли ты выйти за него замуж?» — «О! это дело другое, — отвечала Ла-

риса, перебирая на руках пальцы, — надо же когда-нибудь себя пристроить; мне уже двадцать пять лет!» — «Хорошо ж, сказал Вирилад, — мы об этом подумаем». Они расстались, и в тот же час послан нарочный к Филумену с приглашением пожаловать поутру на другой день к пану Вириладу.

Филумен не знал, что должен думать о такой небывальщине, но как не послушаться знатного, богатого пана? С вечера еще начал он приготавливаться, чтобы с подобающею честью предстать на свидание.

Поутру наш шляхтич, облачась в прародительскую одежду различных цветов, побрел к дому Вирилада. Он недолго дожидался в передней; его представили к хозяину, сидящему за завтраком. После некоторых приветствий гость приглашен разделить трапезу, на что охотно и согласился.

По окончании оной Вирилад сказал: «Когда хочешь, чтоб я сделал для тебя некоторую пользу, то будь откровенен со мною, как с духовным отцом. Отчего ты так беден?» — «Беден? у меня каждый день есть хлеб, соль, сиروهц[2] и какие хочу огородные овощи». —

«Но твоя хата похожа на вершу!» «Ее строил мой прадед, так мудрено ли походить ей даже на сети. Дед мой, конечно, мог бы починить обветшалости, ибо их было немного, но потому, что предварительно уже завещал сыну своему сделать нужные поправки, не хотел того делать; отец мой хотел было приступить к выполнению завещания отцовского, но не мог, так увеличилась ветхость; про меня ж и говорить нечего, мне остается только молить бога о ниспослании возможности построить новую хату, а в противном случае о даровании терпения замерзнуть в старой при первом хорошем морозе». — «Не намерен ли ты жениться?» — «Почему бы и не так! Но какая жена захочет есть один хлеб с солью». — «Но если твоя невеста будет девушка не дурная, разумная, работающая, то я берусь быть сватом и кое-чем наделю вас, так что жена твоя не будет довольствоваться одним хлебом и сировцем». — «Ах! я знаю точно такую девушку, разными знаками объявлено о любви моей, но она, кажется, с намерением меня не понимает, и я не смею ни слова сказать о моих чувствованиях». — «Не Ларисою ли называет-

ся эта прелестница? Не на хуторе ли моем живет она?»

Филумен оторопел, покраснел, вздохнул и не отвечал ни слова. В эту минуту вошел Ипполит, приехавший навестить своего друга. К великому неудовольствию шляхтича, Вирилад в самом забавном виде представил о любви его к Ларисе и о затруднении склонить эту красавицу из настоящего дома перейти на жительство в вершу. «Впрочем, — прибавил он, — если жена неприхотлива, то, любя мужа, почему не может насыщаться одним хлебом с солью, запивая сировцом?»

Помучив бедного любовника довольно времени, так что пот лился со лба его градом, Ипполит сказал: «Лариса столь недавно пред этим услужила одной ближайшей моей родственнице, а в лице ее и мне, что я обязанностью считаю, как скоро выберет себе путного жениха, подарить им молодого дюжего работника с женою и сверх того пять сот злотых. Я более для того сюда и приехал».

«И я много обязан Ларисе за выучение пяти моих девок искусствам, молвил Вирилад, — а чтоб ей за сие отблагодарить, ибо я

не могу терпеть, чтоб оставаться в долгу, с кем могу расплатиться, — то при выходе ее за тебя замуж подарю участок земли, граничащий с твоим поместьем, и пару дородных волов, а сверх того на место твоей верши построю на удобном месте порядочное людское жилище. Теперь беги к Ларисе, объяви ей наши условия, и как скоро она будет согласна, то сегодня же оба приходите сюда».

Лишнее будет сказывать, с каким восторгом любовники приняли это предложение, с какою благодарностью пришли к своим благодетелям и со слезами умиления пали пред ними на колена. Вирилад поднял Ларису, а Ипполит Филумею. Вирилад сказал: «Дети! будьте всегда честны, трудолюбивы, охочи помогать, кто беднее вас, убегая своекорыстия, наглостей и обид против слабейших, и тогда господь бог и добрые люди вас не оставят. Пока не отстроится для вас небольшой домик, а для челядинцев ваших уютная хата, ты, Лариса, останешься здесь, а ты, Филумен, в доме моем на хуторе. Завтра получишь ты обещанные паном Ипполитом деньги. На одну половину постарайся изготовить все нуж-

ное для себя, для дому и для хозяйства, а другую припрятать на всякий случай».

Через месяц все было готово. В конце землицы, подаренной Вириладом Филумену, на небольшом холме выстроен простой, но прочный красивый домик; несколько пониже большая хата, и все обнесено плетневым забором; на конечной покатости холма и частично на лощине насажен изрядный садик и отведено место для огорода. Тогда Филумен и Лариса сделались мужем и женою. На свадьбе их присутствовали Никанор с дочерью и зятем и Вирилад со всем своим семейством. По окончании праздника Никанор сказал: «Мы все теперь веселы, и кажется — счастливы; но кто имеет право на большее счастье? Я счастлив тем, что вижу дочь свою счастливою; Богомилия тем, что, избавясь распутного жениха, досталась достойному; Ипполит тем, что любя страстно, законно владеет предметом любви своей; Лариса тем, что нашла уютное убежище на всю жизнь свою; Филумен тем, что из нищего шляхтича сделался настоящим шляхтичем. Но каждый из нас кому обязан своим счастьем? Без прекословия, Ви-

риладу! Итак, не есть ли он благополучней-
ший человек из всех нас, и даже из всех, на-
ми знаемых?»

Примечания

Серомахами в Запорожье назывались казаки, не имеющие у себя ничего, кроме лохмотьев. Они проводжали жизнь в праздности, буйстве и бесчинствах разного рода. (*Примеч. Нарезного.*)

[^^^]

2

Весьма кислый квас. (*Примеч. Нарезного.*)

[^^^]

Комментарии

Повесть практически не привлекла внимания критики. Рецензент журнала «Благонамеренный», разбирая «Новые повести», лишь мельком упомянул о юморе и натуралистических излишествах. Мастерство Нарезного в изображении нравственной физиономии провинциального дворянства, его семейно-бытового уклада, грубого невежества, бессмысленных интересов, заполняющих пустоту его жизни, осталось вне поля зрения критики.

[^^^]

...война с безбожными агарянами. — Агарянами называли вообще мусульманские народы; здесь речь идет о турках.

[^^^]

3

...запишись охотником... — т. е. добровольцем.

[^^^]

4

...египетской работы... — Египетская работа — синоним тяжелого рабского труда. Восходит к Ветхому Завету (Пятикнижие Моисея), где повествуется об изнурительном труде евреев на строительстве столицы Египта города Рамзеса.

[^^^]

5

...чтобы ни один убогий Лазарь не был прогнан от ворот моего дома. — Имеется в виду евангельская притча о богатом и Лазаре (Лука, XVI; 19 31), согласно которой нищий Лазарь лежал у ворот дома богача и желал напиться крошками со стола его.

[^^^]